

Военная фантастика

Комбат Найтов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Крымский тустеп
Возвращение домой
Крымский ликбез

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н20

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 22

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Найтов, Комбат

Н20 Возвращение домой: Крымский тустеп. Возвращение
домой. Крымский ликбез : сборник / Комбат Найтов. —
Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленин-
град», 2020. — 832 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-122532-2

Во многих книгах наш современник попадает в иную эпоху и
начинает там преобразования, что зачастую мало согласуется с его лич-
ным опытом и имеющимися средствами.

Здесь в другую эпоху попали моряки и морские пехотинцы Ве-
ликой Отечественной под руководством героя «Крымского тустепа»
молодого 28-летнего вице-адмирала Матвеева. Три корабля Север-
ного флота, среди которых судно-док, имеющее на борту судоре-
монтную мастерскую, приличные запасы запчастей, кислородный
детандер и вакуумные электропечи. Вместе с ним переместилось
судно снабжения с большими морозильными камерами, запасом
продовольствия, боеприпасов и топлива, и один из лучших типов
эскадренных миноносцев Второй мировой войны «Флетчер». А глав-
ное, люди, умеющие воевать и строить, скрепленные дисциплиной
1-го корпуса морской пехоты СФ, опытом многочисленных десантов
и опытом индустриализации 30-х. И имеющие общую цель: вернуть-
ся в СССР.

Р. С. Роман закончен в середине апреля 2014 года, когда слиш-
ком многим казалось, что возвращение состоится.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122532-2

© Комбат Найтов, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Крымский тустеп

Он грешниц любил, и они его,
И грешник был он сам,
Но где ж ты святого найдешь одного,
Чтобы пошел в десант

Михаил Анчаров

Глава 1

КРЫМСКИЕ ПЛЯЖИ СОРОК ПЕРВОГО

— Делай «раз», делай «два», делай «три», — раздавались команды старшины второй статьи Бобича, и отделение колело соломенные чучела, отбивая штыками и стволами винтовок торчащие из них палки-винтовки.

— Старший краснофлотец Матвеев! Энергичнее! Вам замечание! — послышалось сзади. Матвеев остановился и повернулся лицом к «комоду».

— Товарищ комод! Разрешите взять другую винтовку? Тогда буду энергичнее!

— Вам что, в бою будут оружие менять? — Бобича аж перекосило.

— После таких «упражнений» мне необходимо заново ее пристреливать! Снайперская винтовка предназначена для другого! Это все равно, что микроскопом гвозди заколачивать!

— Отделение! Смирно! Старший краснофлотец Матвеев! Бегом к старшине роты и доложите ему о вашем неподчинении!

— Есть! — вскинув винтовку на плечо и придерживая ее рукой, Матвеев добежал до края площадки, увидел старшину роты на левом фланге и побежал туда. Перешел на строевой.

— Товарищ главный старшина! Разрешите обратиться! Старший краснофлотец Матвеев!

— Что у тебя? Опять с Бобичем поругался?

— Да, товарищ старшина! Получил замечание от него за неэнергичный отбой «винтовки» противника. Вступил в пререкания, что это все равно, что микроскопом гвозди заколачивать. Я — снайпер, и эта винтовка не предназначена для штыкового боя.

Филимонов покрутил головой, окрикнул какого-то бойца из первого взвода.

— Гришанин, ко мне! Дай винтовку! Держи! В атаку, вперед! — и побежал за Матвеевым, наблюдая за его движениями. Тот не ломанулся напрямую, а бежал коротким зигзагом, постоянно смещаясь вправо и влево. Добежав до линии чучел, правильно и резко атаковал четыре подряд мишени. Последовала команда: «Стой!»

— Молодец! Умеешь действовать. Ну-ка, пошли обратно.

Матвеев вернул винтовку Гришанину, и они со старшиной прошли к месту, где занималось отделение. Вызвав отделение назад, старшина дал команду: «К бою, вперед!» Матвеева он оставил рядом с собой. Посмотрев на «атаку», он послал его в строй и подозвал Бобича. Довольно долго что-то выговаривал тому, затем забрал у него винтовку и подозвал Матвеева.

— Матвеев! Держи! — он перекинул ему винтовку, которую тот поймал, забросив за спину свою. — В атаку, вперед!

Пришлось еще раз показывать атаку. После этого ему разрешили не использовать «его микроскоп для забивания гвоздей». Но вечером он получил наряд вне очереди за что-то другое от Бобича. Такие мелкие стычки с командованием преследовали его все время, с того момента, как Кронштадтское высшее военно-морское училище имени Фрунзе эвакуировали в Астрахань, а оттуда в Ахубинск. Там четверокурсников произвели в командиры и направили в бригады морской пехоты лейтенантами и командирами взводов. Всех, кроме него. Ему же не по-

везло нарваться на военкома училища бригадного комиссара Ефименко в момент бурного свидания с поварихой на лестничной клетке камбуза. В результате спорол нашивки мичмана, стал старшим краснофлотцем и угодил в 83-ю морскую стрелковую бригаду старшим стрелком.

По приезде в Баку, с помощью «огнетушителя»*, добытого по дороге на станции Кизляр, получил редчайшую АВС-36 с оптическим прицелом (их всего выпустили две тысячи штук), с записью в краснофлотскую книжку, не так давно введенную на флоте и в армии, и был направлен старшим стрелком во второе отделение второго взвода 9-й роты третьего батальона. Командиром отделения был старшина 2-й статьи Бобич Роман Васильевич из Осиповичей, что под Минском, точнее, из маленького села под Осиповичами под названием Верайцы, в шестидесяти километрах от Минска. Тот служил второй год, а Дмитрий — шестой, из них три с половиной года в ВВМОЛУ имени Фрунзе. Однако общего языка с командиром они не нашли, и начались постоянные придирки. Шел октябрь 1941 года, РККА отступала по всем направлениям, родная Беларусь отделенного уже была под фрицем, он нервничал, и срывал это на всем отделении.

Филимонов был с ЧФ, служил более десяти лет, добровольно перешел с «Парижской Коммуны» в 83-ю бригаду. Весь средний и старший комсостав бригады был с Черноморского флота. Но бригада формировалась как из состава добровольцев с трех флотов, так и из призывников запаса. Военкомы на местах смотрели только на ВУС, он должен был быть флотским. Но большинство личного состава опыта сухопутных боев не имело. Поэтому сразу в бой их не послали, а дали месяц на обучение.

* Так назывались бутылки из-под шампанского 0,75 л, в которых находилось дешёвое крепленое вино.

Близился ноябрь 1941 года, немцы были под Москвой, в Крыму, под Ленинградом, Мурманском и под Ростовом.

Высокий и видный Матвеев сильно выделялся в роте. Он успел получить практику в сороковом году под Ленинградом, но Филимонов, который после учебного дня подошел с этим вопросом к ротному, старшему лейтенанту Россу, получил от ворот поворот:

— Ты его характеристику видел? Краше в гроб кладут! Хлебнем мы с этим распи...ем горюшка по самое не хочу! И вообще, штат укомплектован, и завтра грузимся в вагоны и выдвигаемся в Коноково. Дальше будем посмотреть. Подъем в 5:30!

Прибывшего на внеочередной наряд Матвеева старшина отправил спать, ничего не объяснив. Ночью Диме снилось, как они с Настей, в Ленинграде, бродили по набережным и наблюдали разводку до утра. Снились ее плотные тугие груди и прерывистое дыхание. В самый интересный момент прозвучал голос старшины Филимонова:

— Рота, подъем! Сбор!

«Завтрака не будет!» — первое, что подумал Митя, привычно влезая в клеши и во фланку. Быстро зашнуровав «хромачи», вытащил из рундука зеленый вещмешок и побежал к вешалке за бушлатом. Затем в оружейную, достал все семь магазинов из нижнего отделения, сунул их в вещмешок, выскочил из оружейки, на ходу вешая штык-нож на ремень. На построении был первым и начал строить отделение. Полусонные краснофлотцы собирались довольно долго. Затем последовала команда: выдвигнуться на плац. Там на ветру долго стояли, потом была вдохновенная речь военкома батальона и команда: «Напра-аво! Правое плечо вперед, шагом марш!» Почти час шли до вокзала, затем погрузка. А патронов не выдали... И еды тоже... Ехать не так далеко: всего 850 км. В мирное

время за ночь можно преодолеть. Но поезд кланялся каждому столбу, ни дров, ни угля к буржуйкам не было. На станции Огни Матвееву удалось выпросить уголь и растопку в теплушку. Опять получил втык от командования, но появился кипяток, и стало чуточку веселее ехать. Ночью чуть не загремел в комендатуру в Новом Кушете, но сумел купить картошки и лепешки на станции. Разделили на одиннадцать человек. Утром наконец выдали сухой паек за два дня, обещали к вечеру покормить горячим. Чуть ускорилось движение, и в конце дня добрались до Прохладного. Там встали на шесть часов, с запрещением покидать вагоны. Железнодорожники пропускали длиннющие составы, шедшие на восток с ранеными, каким-то оборудованием, беженцами и эвакуируемыми. По вагонам разнесли сильно подгоревшую кашу и дурно пахнущий чай. Ночью тронулись далее и остановились уже в Минеральных Водах. Там к эшелону прицепили несколько вагонов с пушками и минометами. Пришлось выделять караул на вагоны. Медленно двинулись в сторону Невинномысска, пропуская встречные на каждом разъезде. Опять «забыли» покормить. Весь день ушел на эти постоянные гудки, торможения, разгоны. Лишь к двум часам ночи поезд встал на какой-то небольшой станции, и была подана команда: «К вагонам!» Станция называлась Коноково. Справа по ходу поезда небольшая аккуратная станица, но батальон выгрузили налево, затем сооружали помост и по нему выгружали орудия и боеприпасы к ним. Ставили палатки, оборудовали лагерь. Провозились всю ночь, толком не выспались, буржеек было меньше, чем палаток, да и топлива не было. Начальство переместилось в станицу, а остальные мерзли на станции, ожидая прибытия других эшелонов бригады. Днем подвезли печки, уголь, дрова. Лагерь обустроивался, началась длительная и суматошная процедура с переобмундированием в новую полевую форму. Приближался

праздник, была отдана команда закончить переобмундирование к 7 ноября. Из флотского разрешили оставить тельники и ремни. Но многие пытались припрятать форму 4 и бескозырки. Дмитрий на этот соблазн не поддался и, пользуясь расположением старшины роты, неплохо прибрахлился для будущих боев: два маскхалата, куча тряпок для винтовки, отличные меховые сапоги, ватник, ватные брюки, катанки в сапоги, меховые трехпалые рукавицы. Седьмого ноября прослушали речь Сталина на параде в Москве, а восьмого получили приказ сворачивать лагерь и грузиться по вагонам. Зачем было столько сил вкладывать в оборудование лагеря? Через полтора дня высадились в Троицкой, там погрузились на баржи и маленькие пароходики. Перед посадкой наконец выдали боеприпасы. И двинулись в сторону Темрюка по узкой и извилистой Кубани. Там, в Темрюке и в порту Емрюк, накапливался десант 51-й армии, которому предстояло высаживаться в Керчи. Командовал бригадой полковник Леонтьев, бывший старший преподаватель тактики ПВО в Стрельне, комиссаром бригады был полковой комиссар Василий Навознов из Одессы, командиром батальона — старший лейтенант А. П. Панов. Бригада собиралась не слишком организованно: впервые командира бойцы увидели 8 ноября. Комплектование происходило «по ходу пьесы»: приходил очередной пароходик с одной или двумя баржами, на нем техника и небольшая группа краснофлотцев и командиров. Их распределяли по комплектуемым ротам, взводам и батареям. Шестнадцатого ноября была оставлена Керчь, части 51-й армии эвакуировались на Таманский полуостров и занимались строительством укрепрайонов. От места базирования бригады до противника было чуть больше шестидесяти километров. А из-под Севастополя приходили все более тяжелые новости: Манштейн, сбросив армию Батова в море, начал перегруппировку для решительного штурма горо-

да. Еще через неделю стало известно, что наши войска оставили Ростов-на-Дону, а бригада продолжала медленно пополняться. Все считали, что ее перебросят под Ростов. Но командование медлило. Немецкая авиация господствовала в небе две недели после шестнадцатого, затем ее активность упала до нуля. Место расположения бригады ей вскрыть не удалось. Через шесть дней стало известно, что войска Южного фронта перешли в наступление под Ростовом, и 28 ноября ворвались в Ростов.

Восемьдесят третья бригада продолжала формирование, Темрюк считался тылом, поэтому норма питания была тыловая, наркомовские были не положены. Единственным развлечением были земляные работы. Зато в большом количестве. Отделенный оказался плотником, поэтому все отделение пилило бревна и сбивало сходни и помосты для непригодных для десанта пароходиков, барж и кораблей Азовской флотилии. На этих работах на Дмитрия обратил внимание капитан-лейтенант Бархоткин. Ребята потащили сбитый трап куда-то, а Дмитрий забавлялся со штык-ножом, метая его то снизу, то сверху в щит, стоявший от него в пятнадцати метрах. За этим занятием его и поймали Бархоткин, и Росс. Росс решил «раскатать» за порчу казенного имущества, но его остановил начальник разведки флотилии и минут десять наблюдал за тем, как нож влетает практически в одно и то же место из любого положения. После этого они подошли к Дмитрию, у которого застрял нож в щели между досками. Дима отправил нож в ножны и доложил Россу:

- Второе отделение второго взвода занимается хозяйственными работами. Старший стрелок Матвеев.
- Да вижу я, какими работами вы тут занимаетесь.
- Погоди, погоди, старлей! Давно служишь, краснофлотец?

— С весны 1936 года, товарищ командир.
— Воевал?
— Немного, с финнами.
— А с немцами?
— Нет еще.
— Он — курсант, отчисленный из «Фрунзе».
— С боевой подготовкой как?
— Умелый боец, снайпер, но дисциплина хромает на обе ноги.

— Снайпер, говоришь... А что еще умеешь?
— Все, что должен уметь вахтенный начальник.
— На ключе работать можешь?
— Сто восемьдесят знаков.
— Продолжайте работать! — командир отдал честь и пошел в сторону КП флотилии, вслед за ним двинулся и Росс. Через час подошел какой-то старшина 1-й статьи, перепоясанный пулеметной лентой, с гранатами на поясе.

— Кто тут старший краснофлотец Матвеев?
— Ну, я.
— С оружием и вещами к штабу флотилии, — и раскачивающейся походкой двинулся в том направлении.

Пожав плечами, Дмитрий пошел на БР-15, в трюме которой была плавказарма 9-й роты. Забрал у старшины свои вещи, забрал свой вещмешок.

— Куда тебя? — спросил Филимонов.
— Не знаю, к штабу флотилии.

Старшина 1-й статьи ждал его, сидя на крыльце штаба.

— Блин, мешочник! Ну, давай, помогу.

Дима передал ему более удобный для переноски вещмешок, а сам взвалил на плечо холщовый мешок с обмундированием.

— Флотский?
— С Балтики.

— У-у, кореш! А мы с Одессы. Кеша! — представился он.

— Дмитрий.

— Димон? Отлично!

— И куда меня?

— На кудыкину гору, коров пасти. Где ты так при-
барахлился?

— Я — снайпер, все согласно аттестата.

— Вот как! Ну, проходи, пришли! — улыбка слетела с его лица, и он доложил: — Товарищ капитан-лейтенант! Старший краснофлотец Матвеев доставлен.

В довольно светлой комнате за длинным столом сидело человек пятнадцать, в основном в нижнем белье, в комнате было жарко. Потрескивала дровами русская печь, возле которой суежилась пожилая женщина в ко-
сынке, завязанной на лбу.

— Вот, знакомьтесь, товарищ Матвеев, разведвзвод Азовской военной флотилии. Ваше новое место службы. А я — начальник разведки Азовской флотилии, капитан-лейтенант Бархоткин, Александр Сергеевич. Командир взвода сейчас на задании, его обязанности исполняет лейтенант Острец. С остальными познакомьтесь по ходу службы. Раздевайтесь, садитесь и расскажите о себе.

Дмитрий снял ватник и ватные штаны, оставшись в гимнастерке.

— Родился в Петрограде, перед самой революцией, жил на Васильевском, там же пошел в школу. Закончил десять классов, пошел добровольцем на флот для поступления в морское училище, в моей семье все мужчины были военные моряки. Служил два года на эскадренных миноносцах наводчиком, затем поступил в училище имени Фрунзе, на артиллерийский факультет. На практике, на втором курсе, участвовал в войне против белофиннов, в артиллерийской разведке 15-го отдельного